

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.131.1'161.1"18"

DOI: 10.15507/VMU.025.201503.048

**ДАНТЕ И ИТАЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
Д. Ю. СТРУЙСКОГО****Н. Л. Васильев¹***¹ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия)*

В статье рассматриваются литературные произведения поэта, музыкального критика, композитора Д. Ю. Струйского (1806–1856), посвященные автору «Божественной комедии» Данте и его родине – Италии, сокровищнице разнообразных искусств. Среди них, в частности, два стихотворения («Прощание Данте с Флоренцией», «Дант на границе своей родины»), являющиеся отрывками из незавершенной поэмы Д. Ю. Струйского «Дант», создававшейся предположительно в середине 1830-х гг., когда писатель путешествовал по Италии, побывав в Риме, Флоренции, Милане, Болонье и других городах. Они были опубликованы в 1845 г. в журнале «Москвитянин» при посредничестве известного итальяниста и дантолога С. П. Шевырева (1806–1864), с которым Д. Ю. Струйского связывали дружеские отношения со студенческих лет. Свои впечатления об итальянском искусстве Д. Ю. Струйский изложил в статье «Отрывки из путевых записок по Италии и Германии и замечания о последней выставке С.-Петербургской академии художеств», напечатанной в журнале «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» в 1837 г. В это же время у Д. Ю. Струйского возникает желание познакомиться с текстом «Божественной комедии», о чем свидетельствует его переписка с литератором, музыкальным критиком В. Ф. Одоевским (1804–1869), чьей богатой библиотекой поэт регулярно пользовался, зная князя со студенческих лет. Вероятно, именно Италия, с ее дивной музыкальной культурой, стимулировала и первые композиторские опыты Д. Ю. Струйского. Примечательно, что его опера «Параша Сибирячка» (1840) тематически перекликалась с оперой на тот же популярный «русский» сюжет итальянского маэстро Г. Доницетти (1797–1848) «Ссылные в Сибири» (1827). Не исключено, что композиторы были знакомы.

Ключевые слова: Д. Ю. Струйский, Данте, Италия, С. П. Шевырев, А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский, А. И. Полежаев, Н. А. Заболоцкий.

DANTE AND ITALY IN WORKS OF D. YU. STRUYSKIY**N. L. Vasilyev^a***^aOgarev Mordovia State University (Saransk, Russia)*

The article deals with literary works of a poet, musical critic, composer D. Yu. Struyskiy (1806 – 1856), devoted to the author of “The Divine comedy” and his native land, a treasury of various arts. Among them are, in particular, two rhymes (“Dante’s farewell to Florence”, “Dante on the border of the native land”), fragments from uncompleted Struyskiy’s poem “Dante”, created presumably in the middle of 1830s when the writer travelled to Italy, visiting Rome, Florence, Milan, Bologna and other cities. They were published in 1845 in “Moskvityanin” magazine through the mediation of known italianist and dantologist S. P. Shevurev (1806–1864), a friend of Struyskiy since university years. His impressions of Italian art were represented in the article named “Fragments from the travelling notes from Italy and Germany and thoughts about the last exhibition of the St. Petersburg Academy of Arts”, printed in the “Literary addendum to “The Russian invalid” journal in 1837. At the same time Struyskiy intends to read “The divine Comedy” of Dante, what is evident

© Васильев Н. Л., 2015

from his correspondence with his old friend, a writer and a music critic V. F. Odoevsky (1804–1869), whose rich library the poet regularly used. It is probably namely Italy, with its miraculous musical culture, inspired the first experiments of Struyskiy as a composer. It is noteworthy that his opera “Parasha The Siberian” (1840) resonated thematically with the opera on a popular “Russian” plot of Italian maestro G. Donizetti (1797–1848) “Exiles in Siberia” (1827). It is possible that the composers were acquainted.

Keywords: D. Yu. Struyskiy, Dante, Italy, S. P. Shevyryov, A. S. Pushkin, V. F. Odoevsky, A. I. Polezhayev, N. A. Zabolotsky.

Итальянские мотивы в произведениях русских поэтов нередки. Не остался в стороне от влияния литературы, живописи, скульптуры, музыки, природных красот Италии поэт, критик, композитор Д. Ю. Струйский (1806–1856), что интересно прежде всего в аспекте отечественной дантеаны.

В наследии поэта есть два стихотворения, посвященные Данте, – с примечанием, что они представляют собой отрывки из более обширного сочинения: «Эти два стихотворения взяты из моей поэмы *Дант*» [29, с. 88–89]. Ко времени их публикации автор почти отошел от литературной деятельности, и указанные произведения являются последними аккордами его лиры. Одной из причин этого явилось, вероятно, прогрессирующее психическое расстройство, о чем скупо сообщается в мемуарах современников писателя [11, с. 231–233; 15, с. 264, 267–269].

В истории русской поэзии Д. Ю. Струйский был известен преимущественно как байронист [20, с. 339–342; 24, с. 64], хотя эта характеристика сужает представление о его творчестве [1, с. 108–140; 3; 11; 13–15; 17; 23]. В произведениях писателя можно обнаружить те или иные знаки внимания к сочинениям В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского, Д. В. Веневитинова, С. П. Шевырева, Н. А. Полевого, П. А. Катенина; из западноевропейских авторов – Тассо, Руссо, Шатобриана и др. Тем более примечательно на этом фоне его обращение к образу итальянского классика.

Первое стихотворение из дантовского «цикла» поэта («Прощание Данте

с Флоренцией») представляет собой внутренний монолог великого флорентийца, корреспондирующий с лирической установкой Д. Ю. Струйского как поэта-романтика и своеобразного изюма среди более благополучных в жизненном плане современников: «Прошу того, кто для корысти низкой / Подстережет меня в мой злобный рок, / Кто нагло спросит: «жизнь иль кошелек» / И тайный нож приставит к груди близкой. / Но обществу, которое в пирах / Беспечно жизнь презренную проводит, / Где все изящное низринуту во прах, / Где скука с пресыщением бродит, / Я не прошу, что пеплом гробовым / Оно посыпало над алтарем святым; / И не прошу, что холодом смертельным / Оно мой дух в пространстве беспредельном / Низвергло, – как в тиранскую тюрьму... / Мое проклятие ему».

Второе стихотворение («Дант на границе своей родины») развивает эпическую тему судьбы Данте: «Как тяжело с отчизною прощаться / И с малодушною привычкою расстаться / К природе, к лицам, к звукам языка... / Но мне еще страшней моя тоска! / В отчизне я был лишний и безродный; / Прощаюсь с ней, как с мачехой холодной; / На рубеже ее в раздумье я стою, / В самом себе похоронивши горе... / В последний раз ей руку подаю... / Душа болит... волнуется, как море!».

Неизвестно, в какой стадии находилась работа Д. Ю. Струйского над поэмой «Дант», была ли она уже завершена им или еще только разворачивалась. Вероятнее всего, первые наброски поэмы были сделаны им под впечатлением от непосредственного знакомства с родной Данте, то есть еще в 1830-х гг. На

это наталкивает и следующее соображение. Среди опубликованных в «Москвитянина» произведений поэта было стихотворение под необычным названием «Литературная заметка»: «Со смертью внезапной твоей / Надолго умолкли на Севере песни! / Без эха, – Русская дремлет пустыня... / Ни женская прелесть, ни предков сказанья, / Ни дружеский кубок, ни подвиг Героя / Не вызовут вещу лиру твою! / Далёко от дивно-прекрасной столицы, / Воспетой тобою, почил ты один / В пустынной могиле; – и сельской травой / Без дружеской тризны зарос твой курган. / Похищен народный Баян! / Оборваны Русские струны!». Очевидно, что речь здесь идет о смерти А. С. Пушкина. Кроме прямых и скрытых указаний на гибель соотечественника, его захоронение в отдаленной от Петербурга псковской провинции (*внезапная смерть, Север, столица, пустынная могила, сельская трава* и др.), стихотворение содержит фразеологические параллели с поэтическим некрологом А. И. Полежаева «Венок на гроб Пушкина»: «Где же ты, поэт народный, / <...> / Угас и навсегда, миллионами любимый, / Державы северной Баян!». Именно в это время последний в письмах к Л. А. Якубовичу сообщал о своих эпистолярных контактах с Д. Ю. Струйским: «Дмитрий написал мне *весьма разумное слово* в форме эпистолы, желает мне всяких благ и, наконец, заключает тем, что он с фамилией покойника А. Струйского связей не имеет...», «Письмо, приложенное здесь, передай Струйским...» [26, с. 448].

В отличие от своего кузена – заочного ученика и своеобразного литературного оппонента великого современника [4–5; 9–10; 16], Д. Ю. Струйский был хорошо знаком с А. С. Пушкиным, входил в его литературное окружение и в какой-то мере даже являлся его протеже. Так, по свидетельству В. Ф. Одоевского, А. С. Пушкин рекомендовал Д. Ю. Струйского в сотрудники журнала И. В. Киреевского «Европеец» [11, с. 105].

Исходя из сказанного, можно предположить, что поэтические произведения Д. Ю. Струйского, опубликованные в «Москвитянина», были написаны в рамках одного хронологического среза, вероятней всего в 1837 г., и отражали его отношение к двум великим поэтическим фигурам, разделенным в Пространстве и во Времени, но актуально оказавшимися в тот момент в едином континууме Вечности.

Одним из побудительных мотивов обращения Д. Ю. Струйского к судьбе создателя «Божественной комедии» могло быть его близкое многолетнее знакомство со С. П. Шевыревым (1806–1864) – литератором, равнодушным к творчеству Данте [22; 27]. Обоих связывали московские интеллектуальные корни (учеба в университете, работа в архиве Коллегии иностранных дел), интерес к итальянскому искусству. Примечательно, что Д. Ю. Струйский отправился в свое заграничное путешествие после возвращения из Италии самого С. П. Шевырева, проведшего вне России три года (1829–1832) – и, вероятно, под воздействием итальянских впечатлений друга. В Италии С. П. Шевырев работал, в частности, над книгой о Данте; туда же он вернулся в последние годы жизни, поселился во Флоренции, а позже переехал в Париж, по какому-то стечению обстоятельств умерев, как и Д. Ю. Струйский, за пределами родины. В 1840–1850-х гг. С. П. Шевырев нередко печатался в «Москвитянина» и мог способствовать появлению на страницах этого издания подборки лирических произведений Д. Ю. Струйского, два из которых были навеяны судьбой Данте. На эту мысль наталкивает и то обстоятельство, что Д. Ю. Струйский ни до, ни после этого не публиковался в указанном журнале, несмотря на чрезвычайную печатную ангажированность почти во всех популярных периодических изданиях своего времени.

О «заочной» тяге Д. Ю. Струйского к Италии, его патриотизме, характере

отношений между обоими писателями можно судить по посланию «Рим (К Шевыреву)», датированному 30 августа 1831 г.: «Державный Рим, несчастный Рим, / Гигант, твою ли тень мы зрим! / Веков, народов пепелище, / Сатурна мрачное жилище – / Твои святые красоты / Порфиroy тления покрыты, / Над пеплом их глумят шуты / Или вздыхают сибариты. // <...> // Поэт с возвышенной душой, / Среди развалины печальной / В себе, как в бездне углублен – / Ты слышишь гимн веков прощальной; / С тобой беседует Катон, / И при лампаде бледнолунной, / Звучит на лире сладко-струнной / Торквато Тасс или Марон. // Достоин ты сих песен неба... / Но мне завиден твой удел! / К тебе, под кров лазурный неба, / Не раз душою я летел! / Не раз с родимую Невою / Прощался я... но не солгу – / Прикован мачехой судьбою!.. / (Нет денег – ехать не могу). // Пойду пешком! трудов награда – / Веков пепловая громада / Во всей печальной красоте / Предстанет мне – и не в мечте! / И я развалину измерю, / И взором жадным обниму / Весь ряд могил – проникну тьму – / И звукам Байрона поверю. // Прими ж под свой радушный кров / Родного гостя, Шевырев! / Я знаю, звук октавы нежной / Тебя пленил, тебя увлек: / Но сердцем – Русский человек – / Ты не забыл наш Север снежной! / <...> // Не забывай Москвы родной. / Она наш Рим – и Рим живой! / Покинь развалин мир пустынный; / Его приманчив грустный вид, / Но Кремль Москвы, сей Кремль старинный / Тебя за все вознаградит! / Родные ближе нам преданья... / Прощай, товарищ, до свиданья!».

В середине 1830-х гг. Д. Ю. Струйский, оставив службу, в течение двух-трех лет путешествовал по Европе, посетив, в частности, и Флоренцию. Об этом факте колоритно повествует П. А. Вяземский в позднейшей приписке к своей рецензии на книгу Д. Ю. Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена: Драматическая поэма» (Санкт-Петербург, 1827 г.), где критик

попутно говорил о знаменитом предке поэта – Н. Е. Струйском [6–9; 12]: «Этот второй Струйский африканский, в отличие от первого Струйского рузаевского, может быть тот же Струйский, который после под псевдонимом Трилунного печатал очень порядочные, а иногда и хорошие стихи в разных повременных изданиях. Если так, то винюсь перед ним... что в былое молодое время отозвался я о нем не совсем благоприятно и несколько насмешливо. Дело журнальное. Кажется, напрасно выпущен он вовсе из гостеприимной хрестоматии для всех, изданной г. Гербелем в 1873 году. В русской хрестоматии для всех, пишущих и читающих, Трилунный имеет свое законное место... <...> Но вот воспоминание о самом Трилунном, которое крепко врезалось в меня. В 1834 году гулял я во Флоренции по саду, который прозывается *Boboli*. Сад был совершенно пустынный. Вдруг в одной аллее кажется мне, что идет навстречу кто-то в форменном русском служебном фраке. Это перенесло меня в петербургский Летний сад; не мог я дать себе прямой отчет в видении, рисовавшемся передо мною. Это был молодой Трилунный, то есть Струйский. <...> Он кое-как бережливостью своей сколотил из скудного своего жалованья небольшую сумму и отправился путешествовать по Европе: *путешествовать* в буквальном смысле этого глагола – и едва ли не обходил пешком всю Европу. Везде, где он ни был, осматривал он все, что достойно внимания, по возможности со всем и со многими ознакомился. В Риме, где я после опять с ним виделся, был он дружелюбно встречен русскими художниками <...>. Одним словом, если не оставил он по себе поэмы, которая передаст имя его уважению грядущих поколений, то он из жизни своей извлек для себя по возможности много поэзии. Около двух лет продолжалась мирная одиссея русского странника и поэта. Много потребно было силы воли и пламени в душе,

чтобы совершить такой подвиг. <...> Прошло уже сорок лет, а я и ныне мысленно смотрю с уважением и особенным сочувствием на этот мундирный фрак, встреченный мною в саду Боболи» [19, с. 89–90].

О родине Данте Д. Ю. Струйский рассказывает прежде всего как о сокровищнице классической живописи, почти без упоминания ее историко-литературных реалий, что объясняется установкой автора на сравнение увиденного в Западной Европе с рецензируемой им художественной выставкой в Петербурге: «Ты хотел, любезный друг, чтоб я сообщил тебе мои мысли о изящных искусствах, в каком именно положении нашел я их в Германии и Италии. <...> Переход из Тироля в Италию разителен: мне кажется, сам Бетховен не отважился бы на такой контраст модуляции. Чья-то сильная рука передвинула кулисы – и вот, вместо мрачных гор и снегов, предстали светлые озера, каштаны, лимоны и веселый виноградник. <...> Милан прекрасный город, не спорю, но мне не понравился. Не люблю той Италии, где виден чужой отпечаток. <...> Но благодарное воспоминание сохранию о Дрездене. Там <...> видел Мадонну Рафаэля, воспетую Жуковским. Она так величественна и свята, что смотришь на нее, как на отверстие неба. <...> Эта Мадонна есть лучшая из всех дивных Мадонн Рафаэля. Он не был колористом, но здесь всё у места. Никакая радуга не затмит этой бледной и однообразной живописи. <...> Эта Мадонна есть образ нерукотворный, и Жуковский прав: копировать ее не должно. <...> Обращаюсь снова к Италии... прекрасной Италии!.. В Милане все женщины красавицы, и потому иностранец, любящий что-нибудь необыкновенное, должен здесь влюбляться в дурных, как в редкость. – Чтоб не принадлежать к числу тех чудачков, которыми так богата Англия, я переехал в Болонию. Ее простота поразила меня. Она является

как нищий в изодранном рубище. Но в чертах сего нищего видна уже апостольская красота. <...> Болонья скучна для праздного путешественника; но любитель изящного может здесь провести целые годы в наблюдениях. <...> Под навесом галереи раздается гул посетителей, иногда вырывается беспечный хохот, или насвистывается потихоньку мотив из любимой оперы. Женщины кокетничают как в маскараде, и как прелестны они в это мгновение! сколько поэзии в беспечной их улыбке! <...> Из Болонии чрез Флоренцию прибыл я в Рим. О галерее флорентийской не скажу ни слова, она так известна, столько раз была описана. <...> Мне остается только сказать, что портретная галерея во Флоренции есть чудо <...> – В Риме видел я картон “Страшного суда” Корнелиуса, студию Торвальдсена и выставку французских художников» [28].

В эти же годы у Д. Ю. Струйского возникает желание познакомиться с текстом «Божественной комедии», что видно из его переписки с В. Ф. Одоевским, чьей богатой библиотекой он регулярно пользовался, зная князя со студенческих лет: «...нет ли Дантовой божественной Комедии на франц<узском> языке? Мне бы хотелось иметь о ней хоть какое-нибудь понятие» [25].

Вероятно, именно Италия, с ее дивной музыкальной культурой, стимулировала и первые композиторские опыты Струйского [см. также 18]. Примечательно, что его опера «Параша Сибирячка» (1840) тематически перекликалась с оперой на тот же популярный «русский» сюжет итальянского маэстро Г. Доницетти (1797–1848) «Ссылные в Сибири» (1827). Не исключено, что композиторы были знакомы.

Опубликованные в «Москвитяине» фрагменты поэмы Д. Ю. Струйского могли привлечь внимание его современников и поэтов последующего времени, в какой-то мере содейст-

воват звучанию дантовской «струны» в русской литературе. Так, мы находим интересную образную переключку с предшественником («Дант на границе своей родины») в лирике Н. А. Заболоцкого («У гробницы Данте», 1958 г.): «Мне мачехой Флоренция была...». Последний, кстати говоря, известен в том числе как лирический интерпретатор живописного образа бабушки Д. Ю. Струйского – А. П. Струйской, изображенной на знаменитом портрете кисти Ф. С. Рокотова: «Ты помнишь, как из тьмы

былого, / Едва закутана в атлас, / С портрета Рокотова снова / Смотрела Струйская на нас?» («Портрет», 1953 г.).

Таким образом, Д. Ю. Струйский побывал на родине Данте, и его поэтические размышления о судьбе автора «Божественной комедии» подпитывались реальными впечатлениями от увиденного и прочувствованного в Италии. Остается сожалеть, что текст поэмы «Дант» не дошел до нас в целостном виде, поскольку это дополнило бы представление о рецепции творчества Данте в России [2; 21].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бернандт, Г. Б. Статьи и очерки / Г. Б. Бернандт. – Москва : Сов. композитор, 1978. – 418 с.
2. Бэлза, С. И. Образ Данте у русских поэтов / С. И. Бэлза // Дантовские чтения : 1968. – Москва : Наука, 1968. – С. 169–186.
3. Васильев, Н. Л. Струйский Дмитрий Юрьевич / Н. Л. Васильев // Русские писатели : XIX век : биобиблиогр. слов. : в 2 ч. – Москва : Просвещение, 1996. – Ч. 2. – С. 276–278.
4. Васильев, Н. Л. Пушкин и Полежаев : «заговор молчания» или...? (К истории взаимоотношений) / Н. Л. Васильев // Поэзия А. И. Полежаева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1989. – С. 40–69.
5. Васильев, Н. Л. «Первая ночь брака» : (Опыт историко-литературного комментария) / Н. Л. Васильев // Вопросы онтологической поэтики : Потаенная литература. – Иваново, 1998. – С. 221–236.
6. Васильев, Н. Л. «Ты достойный прапрадедов сын!» (А. И. Полежаев и Н. Е. Струйский) / Н. Л. Васильев // Филологические науки. – 2001. – № 2. – С. 104–108.
7. Васильев, Н. Л. Г. Р. Державин и Н. Е. Струйский : (Об одном из возможных источников предсмертного стихотворения Державина) / Н. Л. Васильев // Известия РАН (Серия литературы и языка). – 2002. – № 2. – С. 44–50.
8. Васильев, Н. Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верно-подданного / Н. Л. Васильев. – Саранск : Мордов. книжн. изд-во, 2003. – 192 с.
9. Васильев, Н. Л. А. С. Пушкин и Струйские: *три луны* русской поэзии в творческом сознании классика / Н. Л. Васильев // Болдинские чтения. – Нижний Новгород : Тип. Вектор ТиС, 2004. – С. 127–135.
10. Васильев, Н. Л. А. С. Пушкин и А. И. Полежаев : диалог судеб и творчества / Н. Л. Васильев // Пушкин и мировая культура : материалы VIII Междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург ; Арзамас ; Большое Болдино : Изд-во АГПИ, 2008. – С. 150–164.
11. Васильев, Н. Л. Д. Ю. Струйский (Трилуный) : Биография, творчество, библиография / Н. Л. Васильев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 284 с.
12. Васильев, Н. Л. Издания Н. Е. Струйского в Библиотеке Академии наук / Н. Л. Васильев // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 3. – С. 59–63.
13. Васильев, Н. Л. К биографии поэта, критика, композитора Д. Ю. Струйского (Трилуного) / Н. Л. Васильев // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3. – С. 65–69.
14. Васильев, Н. Л. Композиторская деятельность Д. Ю. Струйского / Н. Л. Васильев // Вестник Мордов. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 89–96.
15. Васильев, Н. Л. Д. Ю. Струйский (Трилуный) : Биография, творчество, библиография / Н. Л. Васильев. – 2-е изд., исправ. и доп. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 330 с.
16. Васильев, Н. Л. О Пушкине : язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники / Н. Л. Васильев. – Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2013. – 388 с.

17. **Васильев, Н. Л.** «Слово о полку Игореве» в поэтическом переложении Д. Ю. Струйского / Н. Л. Васильев // Центр и периферия. – 2014. – № 4. – С. 21–27.
18. **Васильев, Н. Л.** Творческие связи Д. Ю. Струйского и М. И. Глинки / Н. Л. Васильев // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 1. – С. 114–117.
19. **Вяземский, П. А.** Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. – Москва : Искусство, 1984. – С. 89–90.
20. **Жирмунский, В. М.** Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1978. – 423 с.
21. **Илюшин, А. А.** Страницы русской дантеаны / А. А. Илюшин // Данте Алигьери : Божественная комедия. – Москва : Просвещение, 1988. – С. 235–265.
22. **Илюшин, А. А.** Шевырев Степан Петрович / А. А. Илюшин // Русские писатели : XIX век : биобиблиогр. слов. : в 2 ч. – Москва : Просвещение, 1996. – Ч. 2. – С. 410–412.
23. **Киселев-Сергенин, В. С.** Трилунный (Д. Ю. Струйский) / В. С. Киселев-Сергенин // Поэты 1820–1930-х гг. : в 2 т. – Ленинград : Сов. писатель, 1972. – Т. 2. – С. 226–230.
24. **Маслов, В. И.** Начальный период байронизма в России : (Критико-библиографический очерк) / В. И. Маслов. – Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1915. – 132 с.
25. ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский). Оп. 2. № 1033.
26. **Полежаев, А. И.** Сочинения / А. И. Полежаев. – Москва : Худож. лит., 1988. – 511 с.
27. **Ратников, К. В.** Данте в творчестве С. П. Шевырева / К. В. Ратников // Дантовские чтения : 2004. – Москва : Наука, 2005. – С. 69–94.
28. **Струйский, Д. Ю.** Отрывки из путевых записок по Италии и Германии и замечания о последней выставке С.-Петербургской академии художеств / Д. Ю. Струйский // Лит. прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – № 7. – С. 65–67 ; № 8. – С. 73–75.
29. **Струйский, Д. Ю.** <Стихи> / Д. Ю. Струйский // Москвитянин. – 1845. – № 5/6. – С. 87–90.

Поступила 13.03.2015 г.

Об авторе:

Васильев Николай Леонидович, профессор кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, nikolai_vasiliev@mail.ru

Для цитирования: Васильев, Н. Л. Данте и Италия в творчестве Д. Ю. Струйского / Н. Л. Васильев // Вестник Мордовского университета. – 2015. – Т. 25, № 3. – С. 48–56. DOI: 10.15507/VMU.025.201503.048

REFERENCES

1. Bernandt G. B. Statyi i ocherki [Articles and sketches]. Moscow, The soviet composer Publ., 1978, 418 p.
2. Belza S. I. Obraz Dante u russkikh poetov [Dante's image in works of Russian poets], *Dantovskiy chteniya* [Dante's studies]: 1968. Moscow, Nauka Publ., 1968, P. 169–186.
3. Vasilyev N. L. Struyskiy Dmitriy Yuryevich (Trilunny), Russkiye pisateli. XIX vek: Biobibliograficheskii slovar [Russian writers. XIX century: Biobibliographic vocabulary] : in 2 vol. Moscow, Prosvescheniye Publ., 1996, vol. 2, P. 276–278.
4. Vasilyev N. L. Pushkin i Polezhayev: “zagovor molchaniya ili...?” (K istorii vzaimootnosheniy) [Pushkin and Polezhayev: “conspiracy of silence” or...? (To a history of mutual relations)]. *Poeziya A. I. Polezhayeva* [A. I. Polezhayev's Poetry]. Saransk, Mordovia university's Publ., 1989, P. 40–69.
5. Vasilyev N. L. “Pervaya noch braka”: Opyt istoriko-literaturnogo kommentariya [“First night of a marriage”: (Experience of the historicoliterary comment)]. *Voprosy ontologicheskoy poetiki. Potayonnaya literature* [Questions of ontologic poetics. Shady literature]. Ivanovo, “Ivanovo” Publ., 1998, P. 221–236.
6. Vasilyev N. L. “Ty dostoyny prapradedov syn!” (A. I. Polezhayev i N. E. Struyskiy) [“You are worthy son of your ancestors!” (A. I. Polezhayev and N. E. Struyskiy)]. *Filologicheskkiye nauki* [Philological sciences]. 2001, no 2, P. 104–108.

7. Vasilyev N. L. G. R. Derzhavin i N. E. Struyskiy: (Ob odnom iz vozmozhnykh istochnikov predsmertnogo stihotvoreniya Derzhavina [G. R. Derzhavin and N. E. Struyskiy: (About one of probable sources of Derzhavin's agonal poem)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyk*, 2002, no 2, P. 44–50.

8. Vasilyev N. L. Zhyzn i deyaniya Nikolaya Strujskogo, rossiyskogo dvoryanina, poeta i vernopoddannogo [Life and acts of Nikolay Struyskiy, the Russian nobleman, poet and loyal subject]. Saransk, Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, 2003, 192 p.

9. Vasilyev N. L. A. S. Pushkin i Strujskiye: *tri luny* russkoy poezii v tvorcheskom soznanii klassika [A. S. Pushkin and Struyskiye: *three moon* of Russian poetry in creative consciousness of the classic]. *Boldinskiye chteniya* [Boldino's studies]. Nizhniy Novgorod, Vektor TiS Publ., 2004, P. 127–135.

10. Vasilyev N. L. A. S. Pushkin i A. I. Polezhayev: dialog sudeb i tvorchestva [A. S. Pushkin and A. I. Polezhayev: dialogue of destinies and creativity], *Pushkin i mirovaya kultura: Materialy vosmoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Pushkin and world culture: Materials of the eighth International scientific conference]. Sait-Peterburg; Arzamas; Bolshoye Boldino, Publishing house of the Arzamas pedagogical institute, 2008, P. 150–164.

11. Vasilyev N. L. D. Y. Struyskiy (Trilunny): Biografiya, tvorchestvo, bibliografiya [D. J. Struyskiy (Trilunny): Biography, creativity, bibliography]. Saransk, Publishing house of the Mordovian university, 2010, 284 p.

12. Vasilyev N. L. Izdaniya N. E. Strujskogo v Biblioteke Akademii nauk [N. E. Struyskiy's editions in Library of the Academy of sciences]. *Gumanitarniye nauki i obrazovaniye* [The humanities and education]. 2010, no 3, P. 59–63.

13. Vasilyev N. L. K biografii poeta, muzykalnogo kritika, kompozitora D. Y. Strujskogo (Trilunnogo) [To the biography of the poet, musical critic, composer D. J. Struyskiy (Trilunny)]. *Gumanitarniye nauki i obrazovaniye* [The humanities and education]. 2011, no 3, P. 65–69.

14. Vasilyev N. L. Kompozitorskaya deyatelnost D. Y. Strujskogo [A composer's activity of D. J. Struyskiy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 2011, no 1, P. 89–96.

15. Vasilyev N. L. D. Y. Struyskiy (Trilunny): Biografiya, tvorchestvo, bibliografiya [D. J. Struyskiy (Trilunny): Biography, creativity, bibliography], Second edition, corrected and added. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2011, 330 p.

16. Vasilyev N. L. O Pushkine: jazyk klassika, poetika romana “Yevgeniy Onegin”, pisatel i yego sovremenniki [About Pushkin: language of the classic, poetics of the novel “Eugeny Onegin”, the writer and his contemporaries]. Saransk, Printing house “Red October”, 2013, 388 p.

17. Vasilyev N. L. “Slovo o polku Igoreve” v poeticheskom pereložhenii D. Y. Strujskogo [“The word about Igor's regiment” in a poetic interpretation of D. Y. Struyskiy]. *Tsentr i periferiya* [Center and province]. 2014, no 4, P. 21–27.

18. Vasilyev N. L. Tvorcheskiye sv'azi D. Y. Strujskogo i M. I. Glinki [Creative relations between D. Y. Struyskiy and M. I. Glinka]. *Gumanitarniye nauki i obrazovaniye* [The humanities and education]. 2014, no 1, P. 114–117.

19. Vyazemsky P. A. Estetika i literaturnaya kritika [Aesthetics and literary criticism]. Moscow, Art Publ., 1984, 460 p.

20. Zhirmunsky V. M. Bayron i Pushkin: Pushkin i zapadnye literatury [Byron and Pushkin: Pushkin and the western literatures]. Leningrad, Science Publ., 1978, 423 p.

21. Ilushin A. A. Stranitsy russkoy danteany [Pages of Russian Danteana]. *Dante A. Bozhestvennaya komediya* [Dante A. A divine comedy]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988, pp. 235–265.

22. Ilushin A. A. Shevyrjov Stepan Petrovich. *Russkiye pisateli. XIX vek: Biobibliograficheskiy slovar* [Russian writers. XIX century: the Biobibliographic dictionary: in 2 parts]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1996, part 2, P. 410–412.

23. Kiselyov-Sergenin V. S. Trilunny (D. Y. Struyskiy). *Poeti 1820–1930-h godov* [Poets of 1820–1830 years] : in 2 vol. Leningrad, The Soviet writer Publ., 1972, vol. 2, P. 226–230.

24. Maslov V. I. Nachalniy period bayronizma v Rossii [Initial stage of byronism in Russia]. Kiev, Printing house of Imperial university of sacred Vladimir, 1915, 132 p.

25. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [The Department of manuscripts of Russia National library], archive no 539 (V. F. Odoevsky), inventory list 2, no 1033.

26. Polezhayev A. I. Sochineniya [Compositions]. Moskow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1988, 511 p.
27. Ratnikov K. V. Dante v tvorchestve S. P. Shevyryjova [Dante in S. P. Shevyrev's creativity]. *Dantovskiye chteniya* [Dante's readings]. 2004. Moskow, Science Publ., 2005, P. 69–94.
28. Struyskiy D. Otryvki iz putevyh zapisok o posledney vystavke Sankt-Peterburgskoy akademii Hudozhestv [Fragments from travelling notes on Italy and Germany and the remark on last exhibition of the St.-Petersburg academy of arts]. *Literarurniye pribavleniya k "Russkomu invalidu"* [Literary additions to "The Russian invalid"]. 1837, no 7, P. 65–67, no 8, P. 73–75.
29. Struyskiy D. <Verses>. *Moskvityanin*. 1845, no 5/6, P. 87–90.

Submitted 13.03.2015

About the author:

Vasilyev Nikolay Leonidovich, professor of chair of Russian Language of Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russia), Dr. Sci. (Philology), nikolai_vasiliev@mail.ru

For citation: Vasilyev N. L. Dante i Italiya v tvorchestve D. Yu. Struyskogo [Dante and Italy in works of D. Yu. Struyskiy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Mordovia University Bulletin]. 2015, vol. 25, no. 3, P. 48–56. DOI: 10.15507/VMU.025.201503.048